

Путешественникам казалось, что они оставили за спиной не только Мурбрук, но и все ужасы последних дней. Путь их лежал через зимний лес. То здесь, то там на покрытых инеем ветвях краснели ягоды — следы минувшего лета и корм для зимующих в Анкарии птиц.

Вот дорога нырнула под своды густого ельника. Здесь снег тяжелым покрывалом лежал на еловых лапах, маленькие деревца превратились в гряды крошечных белых холмиков вдоль обочины. К полудню погода переменилась: понемногу начали собираться облака. И все же можно было надеяться, что мороз продержится еще некоторое время и путешественники беспрепятственно доберутся до горной гряды, за которой в глубокой долине, надежно скрытой от посторонних глаз, лежал Штерненталь.

Их путь шел через самую глухую часть леса. Ели здесь росли так часто, что уже в нескольких шагах от дороги ничего нельзя было разглядеть. Вдобавок дорога все время петляла, огибая холмы и овраги, так что путешественники могли видеть лишь короткий ее участок до очередного поворота.

Вечером они разбили лагерь возле дороги, где молодые ели образовали естественный шатер, защищавший от ветра и снега. Фальк не без удовольствия достал из мешка еду, уложенную заботливой хозяйкой «Золотых капель», — хлеб, вино, ветчину и солонину. Они поели молча, прислушиваясь к звукам ночного леса — шороху ветвей, поскрипыванию снега, приглушенным крикам птиц и зверей.

Впрочем, единственным зверем, которого они видели до сих пор, был огромный волк, сопровождавший их от самого Мурбрука. Все это время он бежал рядом. Если кто-нибудь из путешественников бросал взгляд на него, волк останавливался, как будто ожидая, что его пригласят присоединиться к компании. Но ни Фальк, ни Джэйл явно не хотели этого. Зара же явно сочувствовала зверю. Она спасла волка из западни, и судьба его была ей небезразлична.

Путники не могли не заметить, что чем дальше они ехали, тем ближе волк подходил к ним. За минувший день дистанция между ним и путешественниками сократилась. Зверь явно старался держаться ближе к людям. Иногда он отбегал в сторону, как будто учуяв что-то, и Фальку казалось, что волк решил прекратить преследование. Юноша вздыхал с облегчением, но вскоре могучий зверь снова оказывался рядом. Фальк видел, что в эти мгновения мимолетная улыбка трогает уголки рта вампирши. Казалось, общество волка ей приятно.

В первый же вечер, когда они расположились на отдых, Зара бросила кусок копченого мяса на тропинку, примерно в тридцати шагах от костра. Зверь, залегший у обочины, тут же поднял голову. Его янтарно-желтые глаза внимательно изучали сидевших у огня. Зара дала знак своим спутникам, чтобы они соблюдали тишину и не делали резких движений. Сама же она как ни в чем не бывало прихлебывала вино из фляжки, лишь краем глаза поглядывая на волка. Но тот не двигался. Очевидно, он раздумывал: следует ли принимать подарок.

Прошло целых десять минут, прежде чем волк поднялся. Все его могучее тело от носа до кончика хвоста дрожало от напряжения. Медленно-медленно он стал приближаться к брошенному куску, а вампирша, серафима и человек старательно смотрели в противоположную сторону. Наконец волк замер, бросил быстрый взгляд по сторонам, затем

его зубы впились в добычу, и он пустился наутек. Зверь вернулся на свое место и лег на снег, не спуская глаз с Зары. Фальк, украдкой наблюдавший за зверем, мог бы поклясться, что в его янтарно-желтых глазах светилась благодарность.

На следующий вечер Зара снова бросила волку кусок, на этот раз мясо упало на расстоянии двадцати шагов от костра. И снова волк помедлил, но потом все же решился забрать угощение. Та же игра повторилась на третий и на четвертый вечер, зверь подходил все ближе и ближе. Было видно, что каждый шаг дается ему с трудом. Он не привык доверять людям, вся его натура восставала против этого, и все же где-то в глубине своего звериного сознания он понимал, что Зара, однажды спасшая его из капкана, не причинит ему вреда и сейчас.

Волк привыкал к путешественникам, а те привыкали к его неизменному присутствию. В первую ночь Фальк не смыкал глаз, вслушиваясь в каждый шорох, — ему казалось, что зверь вот-вот прыгнет на него из темноты. Но ничего не произошло ни и эту ночь, ни в следующую, и постепенно страх сошел на нет, Фальк начал верить, что страшный зверь не причинит им зла.

Но чего, собственно, хочет от них волк?

Никто этого не знал.

На третий день пути они вышли к болоту: перед путешественниками расстилалась кочковатая равнина, почти скрытая от глаз белесым туманом. К этому времени все-таки потеплело и болото начало оттаивать. На взгорках росли искривленные сосны, в ложбинах были различимы черные пятна открытой воды, по краям извилистой тропы хлюпала жижа, пахло травой, которая долгие месяцы пролежала в болоте и начала разлагаться. Сквозь затянутое облаками небо время от времени пробивались солнечные лучи, которые тут же поглощал туман, и тогда казалось, что в белой туманной завесе бродят какие-то едва различимые фигуры.

Под копытами лошадей постоянно хлюпала вода, болото вздыхало, булькало, словно огромный кипящий котел. Лишь остовы мертвых деревьев, темневшие в тумане, позволяли не терять ориентации. Фальк подозревал, что, если они сойдут с дороги, им придется нелегко, и поэтому пристально следил за тропой, а также за Серафимой и вампиршей — они бывалые путешественницы, и он всецело доверял их опыту.

Это была бесплодная, безжизненная земля.

Но действительно ли безжизненная?

Пожалуй, не совсем. Вечером их первого дня на болотах — и четвертого от начала путешествия — Фальк увидел, как в тумане что-то движется, что-то едва различимое, похожее на клубящийся пар. Порой эти облака пара уплотнялись и можно было разглядеть нечто похожее на человеческие фигуры. Фигуры эти блуждали в тумане — сталкивались, расходились, не произнося ни единого звука и не подавая виду, что замечают друг друга или путников.

Меж собой путешественники почти не разговаривали — каждый был погружен в собственные мысли, так что поначалу Фальк даже обрадовался: наконец-то ему было на что посмотреть, помимо мрачных и отрешенных лиц своих спутниц.

Фальк прищурился, чтобы получше разглядеть странных существ, подступавших к ней ближе к тропе. Ему показалось, что в руках у них фонари, чей бледный свет слабо мерцал в тумане. Но тут порыв ветра на миг разогнал белесую мглу, открывая безрадостный болотный пейзаж, и огни тут же погасли, чтобы несколько мгновений спустя снова вспыхнуть, но уже в стороне от дороги.

Воодушевление мгновенно покинуло Фалька, на смену ему пришел страх. Он понимал, что существа из плоти и крови не и состоянии перемещаться так быстро, не могут исчезать и вновь появляться. Юноше тут же вспомнились истории, услышанные от бабушки, — истории о привидениях, которые подстерегают прохожих в тумане, набрасываются на несчастных и выпивают из них всю кровь.

— Во имя всех богов! — прошептал Фальк побледневшими губами. — Это призраки...

Джэйл, ехавшая впереди, тут же обернулась и сказала с насмешливой улыбкой:

— Не хотелось бы тебя разочаровывать, но, увы, это не призраки.

— Вот как, в самом деле? — пробормотал Фальк, не отрывая взгляда от огней, которые продолжали свой странный танец в белесом тумане. — И что же это тогда?

— Блуждающие огни.

Фальк покачал головой:

— Звучит зловеще...

— Не более зловеще, чем болотный газ, — рассмеялась Джэйл. — А это он и есть.

— А разве болотный газ не опасен?

— Не опаснее, чем тот газ, что раздувает твои собственные кишки, — вмешалась в их разговор Зара, демонстративно зажав нос рукой и морщась. — Отвратителен — и только!

— О... — сумел выдавить Фальк.

Ему не очень нравилось то, что он испугался пузырей болотного газа. С другой стороны, его

бабушка свято верила, что призраки существуют, а в деревне ее считали очень умной женщиной.

Меж тем серафима продолжила, уже без улыбки:

— Думаю, блуждающие огни — это самое невинное из всего, что встретится нам на пути. А здесь таится немало настоящих опасностей. Эта местность совершенно не исследована, ибо тут нет ничего, что могло бы заинтересовать как самого короля, так и торговцев. А болота всегда негостеприимны. — Она пощелкала языком и натянула повод, заметив, что лошадь слишком близко подошла к краю тропы. — Прежде в этих местах нередко пропадали люди. И всякий раз тем, кто отправлялся на поиски, не удавалось обнаружить даже тел несчастных. Потому эти места и называют Гиблая топь.

— Гиблая топь, — невольно повторил Фальк и поежился.

Он почувствовал, как по спине стекает струйка холодного пота, и поплотнее запахнул плащ. Нет, это место ему решительно не нравилось, и он не мог дожидаться, когда они выберутся из проклятой трясины.

Однако путешественники двигались чрезвычайно медленно — следовало соблюдать осторожность. Иногда Фальку казалось, что они топчутся на одном месте. Вокруг царил все та же зыбкая туманная полутьма, даже голоса путешественников звучали тускло и приглушенно. «А что, если мы заблудились? — подумал Фальк, чувствуя, как у него начинает сосать под ложечкой. — Что, если мы обречены блуждать здесь вечно?» Ему очень хотелось спросить у Джэйл, хорошо ли она знает дорогу, но он не решался.

— Тор, — пробормотала Зара, следя за черной тенью, что внезапно возникла в тумане шагах в тридцати позади отряда.

Фальк вскинул голову:

— Что-что?

— Я назову его Тор.

Теперь и Фальк увидел, что гигантский полк решил последовать за своей спасительницей и через Гиблую топь. Фальк был не слишком рад его видеть, но не пренебрег возможностью, чтобы отвлечься от мрачных мыслей.

— Тор? Ну что ж... Неплохое имя, — начал он как ни в чем не бывало. — Подходит этому парню. Знал я одного Тора. Это был верзила, огромный, с платяной шкаф. А член у него был... В общем, всем бабам не терпелось это узнать, и потому этот самый Тор не вылезал из женских постелей. Это его и сгубило... — Фальк выдержал паузу. — Однажды он попал в

переделку — муженек вернулся домой раньше, чем его ждали, а Тор оказался слишком велик, чтобы спрятать его в сундук или под кровать. Рогоносец вызвал его на поединок и прирезал, как быка.

Зара ничего не ответила, лишь бросила на Фалька мрачный взгляд. Тот сразу же приуныл и лишь пробормотал со вздохом:

— Тор... Отличное имя...

Однако ему совсем не хотелось ехать в молчании, наедине со своими страхами. Поэтому он тут же обернулся к серафиме и спросил:

— А что же насчет этого культа Саккары? Почему все его так боятся? Я слышал, там был какой-то безумный волшебник, который решил захватить трон Анкарии. Но я даже не знаю, правда это или нет. Да кто может знать, как все было на самом деле тысячу лет назад.

Джэйл кивнула:

— Все именно так и было. В Анкарии всегда хватало охотников захватить трон. Но Илиаму Цаку, в отличие от остальных, это почти удалось.

Теперь Фальку и в самом деле стало интересно.

— И как же это случилось? — спросил он, от души надеясь, что серафима окажется не такой букой, как Зара.

Джэйл пожала плечами:

— Узнать об этом не так-то просто. Еще Аарнум Первый заставил всех, кто знал о случившемся, дать обет молчания. Но если живешь так долго, как я, то поневоле начинаешь складывать картину из разрозненных фактов. Так вот, поначалу Илиам Цак был верным слугой короля, но потом увлекся черной магией. Постепенно его могущество росло. Говорили, что он заключил договор с преисподней и подчинил своей воле орков и демонов. Затем Илиам Цак стал собирать армию, намереваясь свергнуть короля с престола. Он обещал своим последователям могущество и беззаботную жизнь, за которой последует бессмертие. Никто не знает точно, как Илиаму Цаку удалось привлечь на свою сторону столько знатных юношей, — пользовался ли он магией, или хватило щедрых посулов, но, в конце концов, сам наследник затанцевал под его дудку. Цак умело манипулировал людьми: он зачаровывал их заклинаниями, пугал, обещал исполнить самые заветные желания... — Джэйл помолчала, направляя лошадь на тропу, затем продолжила рассказ: — Илиам Цак был очень осмотрителен. Он понимал, что опасно поднимать открытый мятеж. Как бы ни были многочисленны его сторонники, армия все равно поддержала бы короля. Цак знал, что свободолюбивый народ не потерпит правителя, который пришел к власти благодаря черной магии и убийству законного монарха. И он нашел обходной путь. Он привлек на свою сторону

Теодреда — младшего брата и наследника короля — и решил представить дело так, чтобы в смерти монарха нельзя было никого обвинить. Если бы король Аарнум погиб в результате несчастного случая, Теодред стал бы королем, но королем только для вида. Настоящим правителем был бы Цак, и он без труда добился бы того, чтобы Теодред провозгласил его своим наследником. — Джэйл негромко рассмеялась. — В общем, всего этого можно было бы добиться без всякой черной магии. Теодред был из тех людей, кто легко подчиняется влиянию, и Илиам Цак умело этим воспользовался. Однако именно с помощью магии Цак собирался убить короля так, чтобы никто ничего не заподозрил. Это было не слишком простой задачей, но Илиам Цак оказался весьма хитроумен. Он планировал сделать так, чтобы сердце в груди короля разорвалось. Это должно было случиться в храме во время одной из торжественных церемоний, прямо на глазах у священников и знати. Теодред стоял бы рядом с королем, и каждый мог бы видеть, что он невиновен. После этого Теодред иззошел бы на трон, а спустя какое-то время своими руками короновал бы Цака. Отличный план! — Джэйл покачала головой и передернула плечами, словно ей неприятно было даже вспоминать об этом.

— Но ведь на самом деле ничего дурного не произошло? — спросил Фальк.

— Да, — подтвердила Джэйл. — Один из сторонников Цака распустил язык перед уличной девкой. Но та оказалась весьма расторопной, и за несколько часов до церемонии король узнал обо всем. Королевская гвардия арестовала приверженцев Цака прямо в храме. Все они пошли на костер; чтобы попытка переворота никогда не повторилась, магия была объявлена вне закона. Самого же Цака поймали гораздо позже.

— По-моему, это было слишком эгоистично со стороны короля, — заметил Фальк. — Несправедливо, что всех волшебников сожгли или заставили отречься от магии и провести остаток жизни в темнице только ради того, чтобы никто больше не покушался на корону.

Он ожидал, что серафима начнет возражать, ведь как-никак она была верной слугой короля, но, к его удивлению, Джэйл в ответ на его слова только кивнула.

Тогда Фальк обратился к Заре:

— Ты ведь была среди рыцарей Аарнума Первого. Ты участвовала в битве при Мураг-Наре, где и стала кровосос... стала вампиром. Что ты скажешь на это?

Зара пожала плечами:

— Я верно служила Аарнуму и защищала его королевство от темных эльфов. Его «Эдикт против некромантов и волшбы» был оглашен уже после того, как я стала вампиром, или, как ты выражаешься, кровососом. Так что я доподлинно знаю, насколько опасна черная магия. Аарнум заботился не столько о себе, сколько о безопасности своего народа. — Она помолчала немного, а потом тихо добавила: — При сыне Аарнума Моргасте участь колдунов и ведьм была ужасна...

Больше Фальк вопросов не задавал — он видел, что Зара погрузилась в воспоминания о

временах, когда кровь лилась рекой. Вряд ли ей приятно об этом говорить. Чтобы поднять настроение, Фальк достал фляжку и сделал большой глоток.

Они ехали в тусклом, сумеречном свете. Блуждающие огни по-прежнему сопровождали их, но Фальк больше не обращал на них внимания — он чувствовал себя слишком усталым, чтобы бояться. Около полуночи они достигли скалистого островка — казалось, какой-то неведомый великан в незапамятные времена оторвал вершину одной из гор и забросил ее в болото. Джэйл предложила разбить лагерь здесь. Вероятно, это место показалось ей более-менее безопасным. Фальк был весьма благодарен серафиме: весь день он провел в седле, они останавливались лишь дважды, чтобы напоить лошадей. Все его тело болело и молило об отдыхе.

Они отыскивали неглубокую нишу в скале и прежде всего позаботились о лошадях, а затем занялись костром. Джэйл вырыла яму в земле и обложила ее по краю камнями, а Фальк и Зара собрали хвороста. Топливо было сырым, и огонь не хотел разгораться, но путешественники были настойчивы, и спустя некоторое время уже наслаждались живительным теплом костра. Фальк закутался в одеяло. После четырнадцати часов в седле даже это каменистое ложе казалось преддверием рая.

Фальк повертел головой, прислушиваясь к тому, как хрустят позвонки, а затем принялся массировать шею и плечи.

— Проклятая верховая езда! — пробормотал он, сожалея о том, что решил сопровождать серафиму и вампиршу в Штерненталь. — Если бы боги хотели, чтобы мы передвигались рысью или галопом, они наградили бы нас копытами.

Он протянул ладони к огню, надеясь отогреть заочевенные пальцы.

— Пути богов неисповедимы! — Джэйл улыбнулась и достала из мешка хлеб и солонину.

Фальк снова приложился к фляжке. Вино было слишком холодным, чтобы как следует распробовать его, но Фальку оно казалось амброзией. Затем он взглянул на импровизированный стол и потер руки:

— О! Ветчинка! Отлично!

Зара уселась на одеяле, скрестив ноги, отхлебнула вина, передала фляжку Джэйл и отломил кусок хлеба. Судя по выражению ее лица, ела она без аппетита.

— Что-то давно не видно Тора, — сказала она, ни к кому не обращаясь.

— Наверно, ему надоело бежать за нами, и он повернул домой, — предположил Фальк, отрезая ломоть ветчины. — Или встретил в здешнем лесу серую Прекрасную Даму и сейчас ужасно занят. Удивляюсь тебе, Зара. Что до меня, я только рад, что эта бестия убралась. Я не мог

спать, зная, что волк где-то рядом.

— Я уже сказала, что Тор не причинит нам зла, — покачала головой Зара.

— Рад слышать! Вот только хотелось бы знать, что он сам по этому поводу думает.

Зара ничего не ответила, лишь подбросила веток в костер. Ее лицо хранило безразлично-равнодушное выражение, но Фальку показалось, что вампиру в самом деле беспокоит судьба волка. Впрочем, как можно быть хоть в чем-то уверенным, если речь идет о Заре?!

Фальк отрезал себе еще ломоть ветчины и тоже погрузился в размышления, вглядываясь в белесую мглу. Интересно, как далеко они сейчас от Мурбрука? И что сейчас поделывает Эла?

Мысли о девушке заставили сердце Фалька биться сильнее. Он отложил ветчину, вытер руки о землю и поднес к лицу красный платок, который подарила ему Эла. Запахи кедрового масла и роз пробуждали сладкие воспоминания. Они встретились совсем недавно, почти не знали друг друга, и все-таки Фальк чувствовал, что несколько дней, проведенных в Мурбруке с Элой, были лучшими в его жизни. Несмотря на постоянный страх, несмотря на то, что каждое утро он не был уверен, что доживет до вечера. Удивительно, Эла первая поверила в него, болтуна и шулера, которого, что уж там скрывать, не раз ловили, потому что он даже не умел толком передергивать карты. Но девушка поверила в него сразу и безоговорочно, и от этого он сам начал в себя верить.

— О Эла! — прошептал он. — Хотел бы я сейчас быть рядом с тобой, а не мерзнуть в этой проклятой болотной заднице... — Он вздохнул, а потом рассмеялся. — Кажется, я взаправду влюбился...

— Любовь! — фыркнула Зара. — Что вы все находите в ней?! Да, поначалу все просто чудесно, слаще патоки, ты теряешь голову, ходишь по облакам, но затем приходится расплачиваться за удовольствия: много-много лет спустя, когда все проходит, ты спрашиваешь себя, а почему, собственно говоря, ты так сходил с ума? На что потратил целые годы?

Зара покачала головой и замолчала. Казалось, сейчас она видит перед собой совсем иные времена и совсем иных людей. Наконец она очнулась от воспоминаний, тряхнула головой, осмотрелась, сказала решительно: — Надо побольше хвороста, — поднялась на ноги и нырнула в темноту.

Фальк посмотрел ей вслед и наморщил лоб.

— Кажется, эта тема расшевелила даже нашу железную леди, — сказал он скорее задумчиво, чем насмешливо.

— С тобой было бы то же самое, если бы ты потерял человека, которого любил всем сердцем,

причем потерял по собственной вине, — промолвила Джэйл.

— А кто он был? — тут же спросил серафиму Фальк.

— Его звали Виктор. Это была настоящая, большая любовь, любовь всей ее жизни. Они были родом из одних мест — из Шенблика, это на юго-востоке Анкарии. Маленький городок славится своими садами и виноградниками. А еще там растут самые красивые розы во всем королевстве. Они — Сара фон Ланштейн и Виктор — были дружны с детства. Оба росли сорвиголовами и, возможно, поэтому так хорошо понимали друг друга. Он был сыном оружейника — совсем не подходящая партия для дочери графа. Но они выросли вместе и полюбили друг друга. Сначала они таились от родителей Сары, но граф и графиня фон Ланштейн были по-настоящему добрыми людьми, и счастье дочери оказалось для них важнее, чем разница в положении. Они дали Саре и Виктору благословение, и был уже назначен день свадьбы. Бракосочетание решили провести в замке Ланштейн, в саду, под цветущими вишнями.

Фальк улыбнулся:

— Звучит очень романтично!

Джэйл кивнула, сохраняя серьезное выражение лица.

— Так все и было, — сказала она печально. — Но тут началась война. Семья Сары из поколения в поколение верно служила короне. У отца Сары не было сына, который мог бы поддержать традицию, и тогда Сара сама взялась за меч, чтобы защищать Анкарию и короля. Виктор хотел сопровождать ее, стать ее оруженосцем, но умер его отец, и жених Сары вынужден был остаться в Шенблике, чтобы заботиться о матери и сестрах. Виктор обещал невесте, что будет ждать, как долгие годы, ни был бы ее путь. А она поклялась, что не назовет мужем никого другого.

— И что случилось потом?

— Потом она его убила, — тихо сказала Джэйл. — Его, его мать, его сестер и своих родителей.

Фальк отшатнулся.

— Ты... ты это серьезно? — осторожно переспросил он.

Джэйл кивнула:

Когда Сара вернулась с войны, она уже не была собой, она стала Зарой, вампиршей, она принадлежала к детям ночи, и лишь одно доставляло ей радость — страдания и смерть. Когда она вернулась, Виктор просто не мог поверить своему счастью. А она тут же, на его глазах, убила сначала его мать, а затем сестер. Потом она даровала смерть и своему возлюбленному.

Думаю, для него это явилось благом. — Джэйл покачала головой и добавила очень тихо и очень печально, как будто слова причиняли боль ей самой: — Она не стала пить их кровь. Она была сыта, ибо вдоволь напилась еще на пути в Шенблик. Она убила их просто ради удовольствия. Потом она пришла к себе в замок, где предала смерти собственных родителей, а также всех слуг. Затем она покинула родные места и долго странствовала, сея повсюду смерть и разрушения.

— Но откуда ты все это знаешь? — спросил Фальк.

— Я изучала историю Зары по приказу короля Валориана, — ответила Джэйл.

— По приказу короля?

— Да. Зара убивала людей в Анкарии целых пять веков. Ее именем матери пугали детей. Король Валориан решил, что этому пора положить конец. Но это было проще сказать, чем сделать. Многие пытались одолеть Зару, но никто не вернулся назад, ко двору короля. Она была могущественна, дьявольски хитра и безжалостна. Даже инквизиция оказалась бессильна. Тогда король обратился к Ордену Света. Конечно, мы откликнулись на его призыв — невозможно было сидеть сложа руки, зная, что в королевстве творится такое. Прежде всего, следовало найти Зару. Изучив ее историю, мы узнали, что каждые пятьдесят лет она возвращается в Шенблик, чтобы в течение недели терроризировать всю округу. Такая вот своеобразная сентиментальность. Шестеро из нас отправились в Шенблик, и нам удалось найти Зару. Она пряталась на кладбище, в фамильном склепе. Мы полагали, что надежно защищены благодаря Божественному Свету и нам не составит труда поймать ее. По трое из нас были убиты, прежде чем нам удалось схватить Зару. Мои спутницы хотели убить ее прямо там, на месте, мстя за погибших сестер. Но смерть казалась мне слишком большой милостью для такой, как она. Я поступила по-иному — я заставила ее выпить моей крови, и моя кровь пробудила в ней душу.

— И тогда она вспомнила обо всем, что натворила? — в ужасе спросил Фальк.

— Да, память о злодеяниях, которые она совершала на протяжении пятисот лет, вернулась к ней, и она содрогнулась от отвращения. В ужасе она бежала из Шенблика, и какое-то время мы ничего о ней не слышали. Когда я видела Зару в последний раз, она скрывалась от людей в полуразрушенных катакомбах крепости Крэхенфельс, где питалась кровью воронов. Это было около четырехсот лет назад. Позже я пыталась снова ее найти, но она словно сквозь землю провалилась. И вот я неожиданно обнаружила ее в Мурбруке, где она играла в благотворительность.

— Не говори о ней так! — воскликнул Фальк возмущенно. — Что бы она ни делала прежде, сейчас она совсем другая. Сейчас она помогает людям.

— Я знаю, — согласилась Джэйл. — Но я спрашиваю себя: чем она занималась те четыреста лет, пока о ней ничего не было слышно?

Фальк не успел ничего сказать — из темноты вынырнула Зара с огромной охапкой хвороста. Теперь топлива хватит на всю ночь. Фальк прилагал все силы, чтобы держаться как ни в чем не бывало. Ему меньше всего хотелось, чтобы Зара догадалась, о чем они только что беседовали. Меж тем Зара бросила хворост возле костра, прилегла на одеяло и негромко сказала, обернувшись к Фальку:

— Я как-то говорила тебе, что моя жизнь страшнее любого ночного кошмара. Надеюсь, теперь ты поверил?

Фальк покраснел до ушей и пробормотал:

— Ты что, все слышала?

— В этом не было нужды. Ты смотришь на меня так, будто только и ждешь, что я прыгну на тебя и вырву сердце из груди. Но тебе нечего бояться, теперь я умею с собой справляться.

— Да, — согласился Фальк, — ты снова обрела человеческую душу.

Зара бросила укоризненный взгляд в сторону серафимы.

— Что-то ты чересчур разговорчива.

Джэйл пожала плечами:

— Не знала, что это запрещено.

Она извлекла из мешка новую фляжку и спросила, улыбаясь:

— Кто хочет еще вина?

<http://tl.rulate.ru/book/15991/319716>